

Д.О. Никулин*

D.O. Nikulin*

**Борьба с мифотворчеством
в изучении Первой мировой войны
как ответ на социальный запрос****Struggling Against Myth-Creating
in The Study of the First World War
as an Answer to a Social Request**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-2

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-2

УДК 94:327+32.019.51

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Никулин Д.О. Борьба с мифотворчеством в изучении Первой мировой войны как ответ на социальный запрос // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 22–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-02.pdf>

Nikulin D.O. Struggling Against Myth-Creating in The Study of the First World War as an Answer to a Social Request // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 22–29. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-02.pdf>]

Abstract. In the present day the problem of using historical knowledge for the needs of society is more urgent than ever: the collapse of the Soviet propaganda and historical paradigm led the Russian society to the search for a new identity, naturally turning to the past. Firstly, both cultural works and historical research turned to the themes of the Civil War, remaining familiar from the Soviet era, but in the recent years, in connection with the past centenary of the First World War, interest in that has naturally increased as well. The presence of a certain lack of information and clichéd formulations in Soviet historiography on the subject has set the task of combating what is perceived as Soviet “myths”: allegations of the imperialistic, predatory nature of the war, not disclosing some of the military successes and the patriotic impulse at the beginning of the war etc. The article deals with the shortcomings and contradictions of this struggle, expressed in the replacement of old historiographic myths with new ones, which are caused by the need of the state and society for a new identity; also, differences of the authors’ perception of the tasks they face, including obviously different opinions on which myths should be fought exactly, and the status of authors and their publications. From our own point of view, the most dangerous element of a professional historian’s interaction with the needs of society is the deformation of historical knowledge under the influence of the social demand of the current moment; being thus anchored in historical science, short-term social demand gets to directly influence historical memory.

Keywords: World War I, myth-making, propaganda, distortion of historical knowledge, social need.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В наши дни проблема применения исторического знания для нужд социума является как никогда актуальной: крушение советской пропагандистской и исторической парадигмы привело к поиску обществом новой идентичности, естественным образом обращенный в прошлое. В первую очередь как культурные произведения, так и исторические исследования обратились к привычной с советской эпохи тематике Гражданской войны, но в последние годы в связи с прошедшим столетним юбилеем Первой мировой войны закономерно возрос интерес и к ней. Наличие в советской историографии по тематике этой войны определенного недостатка информации и клишированных формулировок поставило перед исследователями задачу борьбы с тем, что было воспринято как советские «мифы»: утверждения об империалистическом, грабительском характере войны, замал-

* Никулин Даниил Олегович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikdanya@mail.ru

Nikulin Daniil Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikdanya@mail.ru

чивание некоторых успехов военных действий и патриотического порыва в начале войны и пр. Статья посвящена недостаткам и противоречиям этой борьбы, выражающейся в замене прежних историографических мифов новыми, вызванными потребностью государства и общества в новой идентичности, также различиям в восприятии авторами стоящей перед ними задачами и того, с каким же мифом надлежит бороться, статусу их самих и их публикаций. С точки зрения автора, самым опасным элементом взаимодействия профессионального историка с нуждами общества является деформация исторического знания под воздействием социального запроса текущего момента; будучи таким образом закреплён в исторической науке, краткосрочный социальный запрос начинает непосредственно влиять и на историческую память.

Ключевые слова: Первая мировая война, мифотворчество, пропаганда, искажение исторического знания, социальная потребность.

Советская историография Первой мировой войны обладала рядом известных недостатков: значительная часть военных успехов недостаточно освещалась в литературе, война признавалась империалистической, изначально не отвечавшей интересам и желаниям народа, который с самого ее начала выражал свой сознательный классовый протест. В современной России в связи с политическими изменениями и большей доступностью исторических источников, включая труды русских эмигрантов, многие из которых были участниками войны, началась большая работа по исправлению этих недочетов. В некоторых случаях она получила название борьбы с «мифотворчеством». Кроме исключительно научно-исторической среды, свое развитие эта борьба получила и в более популярном направлении, рассчитанном на просвещение общества, ранее мало что знавшего о войне. Толчком к развитию этой проблематики и появлению большого количества новых публикаций стал столетний юбилей со дня начала войны. Тем не менее деятельность по борьбе с «мифотворчеством» не обошлась без недостатков. Авторы публикаций стали отходить от, казалось бы, незыблемых принципов, таких, например, как озвученный В.П. Любиным в публикации о работе немецкого историка Г. Крумайха: «историку должно удастся... понять людей в их времени 1914 г. и постараться не рассматривать их с высоты наших знаний о тотальной войне»¹.

Анализ историографии Первой мировой войны, созданной за прошедшее десятилетие, остается еще не до конца реализованной, хотя и очень актуальной задачей. Среди тех, кто обращался к этому вопросу до нас, отметим К.А. Пахалюка и Б.И. Колоницкого, посвятивших ему несколько статей, в которых были отмечены роль правительства в реализации социального запроса, тенденция к героизации войны, использование элементов пропаганды времен самой войны². Н.Н. Баранов отметил сложности во взаимодействии академической науки, исторической политики и практик мемориализации, важную роль СМИ в трансляции исторической памяти³. Заслуживает упоминания и статья Е.С. Сенявской⁴. Отдельно отметим сборник статей, посвященных проблеме сохранения памяти Первой мировой войны, авторы которых (включая вышеупомянутого К.А. Пахалюка) имели самые различные мнения как о самой войне, так и увековечении ее памяти⁵. Среди прочих мнений, высказанных относительно попыток популяризации истории Первой мировой войны, нам особенно

¹ Первая мировая война: современная историография: сб. обзоров и реф. М., 2014. С. 17.

² Колоницкий Б.И. «Забывтая война»? Политика памяти, российская культура эпохи Первой мировой и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб., 2015. С. 321–332; Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109–131; Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 106–128.

³ Баранов Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 4 (43). С. 31–39.

⁴ Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 31–37.

интересным представляется точка зрения О.Ю. Малиновой, усомнившейся в пригодности истории Первой мировой войны как инструмента пропаганды с учетом неоднозначности ее характера⁶.

Тем не менее авторы указанных публикаций обратили внимание прежде всего на деятельность и взгляды властей, а также характеристику советской политики по отношению к памяти Первой мировой войны, в то время как конкретные публикации современных нам как профессиональных историков, так и авторов-любителей остались без надлежащей характеристики.

Итак, перейдем к анализу работ, наиболее четко поставивших перед собой задачу именно борьбы с мифотворчеством. К числу наших наиболее опытных коллег, чьему перу принадлежат такие работы, относится А.В. Сперанский. В двух статьях, вышедших в 2014 г., он писал в контексте советской исторической «мифологии» о формировании штампов, базирующихся на идеологической конъюнктуре, искусственном сохранении «белых пятен» при исследовании истории Первой мировой войны и пр. Как он пишет, «Россия в первую очередь защищала себя, спасала от агрессора свои земли, а это значит, ее война носила национально-освободительный характер»⁷. Далее он совершенно справедливо отмечает, что военные успехи будущих белых генералов недостаточно освещались советской историографией, после чего утверждает, что «Первая мировая война стала трамплином для развития военного таланта и замечательных полководцев Великой Отечественной войны»⁸. На наш взгляд, трамплином для карьеры полководцев Великой Отечественной войны стала в первую очередь служба в РККА в годы Гражданской войны. Вероятность того, что унтер-офицер Г.К. Жуков стал бы генерал-фельдмаршалом, не столь уж велика. Что же касается национально-освободительного характера, то патриотический настрой, который, вне всякого сомнения, имел место вопреки утверждениям советской историографии, был характерен в первую очередь для первого года войны, после чего постепенно сошел на нет в массовых народных кругах. Здесь уместно привести цитату еще одной исследовательницы, затронувшей проблематику мифотворчества, Н.Е. Болдыревой: «хотелось бы отметить, что отношение к войне в рабочей среде было несколько иным, чем среди более обеспеченных слоев населения... Хотелось бы избежать мифологизации Первой мировой войны, какой бы героической она не была, и представить события во всем их многообразии и объективности»⁹. Таким образом, Н.Е. Болдырева говорит о мифологизации войны уже в рамках новых, постсоветских исследований. С этой новой мифологизацией борется Е.Ю. Белаш в своей монографии с говорящим названием «Мифы Первой мировой». В целом его монография написана на высоком уровне и достаточно объективна, но, в первую очередь, основана на исследовательской литературе и опубликованных источниках с недостаточным вниманием к архивным данным. Е.Ю. Белаш также не является профессиональным историком.

Но и один из наиболее авторитетных профессионалов, О.Р. Айрапетов, предостерегает от мифологизации войны. Еще в 2010 г., т.е. до столетнего юбилея начала войны, в своей статье он предвидел, что с наступлением юбилея в историографии станет популярной тема развенчания мифологии войны. Сама же его статья посвящена критике работы военно-промышленных комитетов, которую автор считает малополезной и нацеленной в первую очередь на саморекламу промышленников, завышавших цены на свою продукцию. Автор

⁵ Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны: мат-лы науч.-практ. круглого стола (12 октября 2017 г.). М., 2019.

⁶ Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Говорят эксперты МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (дата обращения: 30.11.2021).

⁷ Сперанский А.В. «Вторая отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 20–21.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Первой мировой войны (г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 328.

указывает, что «для государства Российского в 1914–1917 годах основную опасность представляли... нерешенные проблемы и союз тех, кто готов был воспользоваться ими для достижения собственных целей»¹⁰, и утверждает даже, что промышленники «строили миф, который вскоре вынесет их к власти»¹¹, т.е. к Февральской революции. В целом статья О.Р. Айрапетова служит примером более осторожного подхода к истории Первой мировой войны, лишенного тенденции заменять мифы советской историографии новым мифотворчеством.

Одним из более амбициозных изданий, посвященных мифу в контексте рассматриваемой нами войны, является «Первая мировая: война и миф», в рамках которой было опубликовано множество иллюстративных источников. В отличие от упомянутых выше работ, публикация борется с мифами не историографическими, а пропагандистскими, причем времен самой войны. Это обусловлено тем, что, как утверждают составители, мифологизация войны в историографии и общественном мнении проистекает в том числе из некритического восприятия пропагандистских источников вроде лубков и плакатов. Между тем «в лубке могли находить отражение только успехи... Миф и реальность существовали в тот момент в неразрывном единстве»¹². Эти взгляды авторов-составителей созвучны выводам К.А. Пахалюка, который в своей статье отмечал, что пропагандистские материалы начала XX в. вновь используются в наше время журналистами и деятелями искусства¹³. Хотя эта публикация носит в первую очередь иллюстративный характер, во вводной части кратко рассказана история Первой мировой войны. Она справедливо считается авторами «следствием сложившейся системы союзов и глубоких противоречий интересов между государствами»¹⁴. Работе не хватает обобщения, поставленный авторами вопрос «Как работала пропаганда, кто создавал мифы и в каких источниках стоит искать правду?»¹⁵ не вполне получил ответ, тем не менее работа представляет значительную ценность благодаря большому объему иллюстративного материала, а критика пропаганды времен войны как исторического источника вполне убедительна.

Значимая доля статей, посвященных годовщине начала войны, написана не историками и носит публицистический характер. Особенности таких статей являются апелляция к эмоциям читателей, резкость формулировок. Так, Р.А. Илющенко пишет о том, что неготовность к войне – байка, иронизирует о желании армии брататься с врагом, как контраргумент положению о технической отсталости армии упоминает новые образцы техники, не принятые, по его признанию, на вооружение, хотя отсутствие этих изобретений на вооружении сыграло ключевую роль. В другой подобной публикации за авторством Н.С. Леонова говорится, что Россия в 1914 г. не готовилась к войне, которая началась из-за «взаимопомощи с братской Сербией». Опять-таки, это весьма поверхностное описание ситуации. Во-первых, в 1914 г. Россия как раз готовилась к войне, начав в 1913 г. «Большую программу» модернизации армии, которая есть не что иное, как подготовка к войне. Во-вторых, Россия все-таки могла не заступаться за Сербию. Тем не менее стоит признать, что Н.С. Леонов достаточно объективно описывает положение России в 1917 г.

Последним рассмотрим главный труд, изданный в годовщину начала войны и направленный на борьбу с мифотворчеством: сборник «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память».

Глава коллектива авторов О.В. Петровская в предисловии отмечает «интерес к событиям 1914–1918 гг., обусловленный подъемом национализма»¹⁶, что «политическая элита лишь

¹⁰ Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122.

¹¹ Айрапетов О. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 8. С. 76.

¹² Первая мировая: война и миф. Печатная графика из собрания Ивановского историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурьлина, фотографии из коллекций Рыбинского музея-заповедника и Национального музея Республики Коми. М., 2014. С. 91.

¹³ Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России...

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. М., 2014. Т. 1. С. 7.

задает направления конструирования памяти в зависимости от потребностей настоящего, но бремя выполнения заказа ложится на плечи историков. Именно они ответственны за... создание мифов – идейных конструкторов понимания мира, являющихся механизмом отражения исторической реальности... каждое новое поколение исследователей претендовало на то, чтобы разоблачить ложную мифологию своих предшественников»¹⁷. Таким образом, О.В. Петровская сама наилучшим образом описала причины и сущность нынешней «борьбы с мифотворчеством», которая принимает, как мы могли убедиться выше, самые разнообразные формы, при этом напрямую затронув и проблему роли историка в формировании исторической памяти, которая может принять форму мифа. Важно здесь и то, что она прямо признает роль политической элиты в запросах социума к профессиональным историкам. Сборник же, составленный коллективом авторов под ее руководством, являет собой яркий пример такого запроса.

В обзоре советской историографии, с которого начинается непосредственно текст первого тома, упоминается «предательство большевиками интересов своей страны в 1918 г.»¹⁸, но в целом он объективно раскрывает ее недостатки: «всякие выступления против войны трактовались как революционные, преувеличивался рост сознательности масс, воевавших якобы только потому, что их обманули. Преувеличивались также роль и влияние на события В. Ленина, большевиков, рабочего движения»¹⁹. В обзоре современной литературы наибольший интерес вызывает упоминание авторами работ О.С. Поршневой, совершенно справедливо, на наш взгляд, писавшей, что патриотический подъем начала войны был обусловлен внешней опасностью, пропагандой и традиционалистской психологией крестьянства²⁰.

В целом авторами-составителями сборника проделана огромная работа по изучению накопленного историографического материала о войне. К сожалению, содержащийся в третьем томе текст непосредственно по истории войны за авторством П.В. Мультигули очень политизирован: подчеркивается «отечественность» войны для России, миролюбие России рассматривается само по себе, без раскрытия причин. Автор апеллирует к пропагандистским заявлениям лиц, не имеющих прямого отношения к исторической науке. В частности заявляется, что «России никогда не был свойственен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась в первую очередь Высшей Правдой»²¹, основания для подобного вывода в тексте отсутствуют. Автор утверждает, что «если бы Россия отдала бы на растерзание Сербию, то ее престиж и позиция на Балканах были бы потеряны, а война началась бы все равно, только в еще менее выгодных для Российской империи условиях»²², но и эта позиция является спорной с учетом Большой программы (и автор знает о ней, упоминая ее на с. 47) по модернизации армии, которая должна была быть завершена в 1917 г. и поставила бы русскую армию на один уровень с германской. О территориальных претензиях России автору также отлично известно – он пишет о них на с. 158–159.

В Февральской революции автор винит союзников России по Антанте, ставших, по его мнению, организаторами заговора. Он заявляет о том, что «нести миллионные потери, терпеть и страдать армия могла только во имя Царя и Святой Руси»²³, хотя бывшие солдаты и офицеры той самой армии воевали позже на разных сторонах Гражданской войны. Кроме того, он утверждает, что «Царская Россия, оказавшись в числе победителей, никогда не допустила бы ни грабительского Версальского мира, ни унижения германского народа, ни ликвидации монархий»²⁴. С последним мы можем согласиться, но неясно, на чем автор основывается, утверждая о более мягких условиях Версальского мира. На наш взгляд, ситуация скорее противоположна – как писал и сам автор, у России имелись свои территориальные

¹⁷ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память... Т. 1. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Там же. Т. 3. С. 32.

²² Там же. С. 33.

²³ Там же. С. 173.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 174.

претензии к Германии, которые союзники готовы были удовлетворить, имея возражения лишь по вопросу территорий Австро-Венгрии.

Последняя глава, «Первая мировая война и революция», за авторством М.Б. Смолина является философским, а не исторически-научным трудом. Кроме того, она еще более ангажирована, чем работы П.В. Мультатули в рамках этого же сборника, и содержит чрезмерное преувеличение роли церкви в событиях. Этот философский труд выглядит лишним в трехтомной монографии, все прочие составляющие которой исключительно исторические.

Таким образом, в результате рассмотрения ряда исторических работ, так или иначе направленных на «борьбу с мифотворчеством», мы вынуждены констатировать, что среди них наличествует огромное количество противоречий. В первую очередь, авторы по-разному понимают, с каким именно мифотворчеством необходимо бороться – советской историографии ли, современным ли, или же с мифами пропаганды времен войны. Кроме того, одни авторы предостерегают против создания новых мифов, некритического восприятия пропаганды, другие же стоят на позициях борьбы с недостатками советской историографии, противопоставляя ей диаметрально противоположную апологетическую характеристику Российской империи, созвучную с тезисами той самой пропаганды, против которой предостерегают их коллеги. Публикации, имеющие общественно-публицистическую направленность, подают уже известные исторической науке факты как нечто кардинально новое и до того запретное, создавая у неподготовленных читателей неправильное впечатление об истории Первой мировой войны в частности и исторической науке в целом.

На наш взгляд, причиной подобных глубоких противоречий являются не только и не столько новые исторические источники, бывшие недоступными в советское время, но, в первую очередь, социальные процессы современной России. Наше общество все еще находится в поиске новой идентичности, и историческая наука под его воздействием предпринимает попытки поиска этой идентичности в прошлом; при этом, как мы могли наблюдать, значительная часть обратившихся к этой деятельности авторов – как профессиональных историков, так и особенно любителей – сама принадлежит к тем общественным кругам, которые сформировали этот социальный запрос, что и приводит к разному пониманию ими этой задачи. Результаты же их работы очень противоречивы, что неизбежно влияет на целостность картины прошлого в исторической памяти.

Применительно к Первой мировой войне исторической науке необходимо определиться, с какими же именно мифами нужно бороться, какие точки зрения и аргументы допустимы, а какие – нет, добиться единства и принять меры против создания новых мифов взамен старых и лишь потом брать на себя непростую задачу создания новой картины прошлого в исторической памяти под громким лозунгом борьбы с мифотворчеством.

Литература

Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 7. С. 122–126.

Айрапетов О.Р. Снарядная демагогия. Слова и дела русских либералов // Родина. 2010. № 8. С. 73–76.

Баранов Н.Н. Первая мировая война в популярной культуре памяти // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2018. № 4 (43). С. 31–39.

Белаш Е.Ю. Мифы Первой мировой. М.: Вече, 2012. 416 с.

Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Первой мировой войны (г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 562 с.

Илющенко Р.А. Потерянная победа // Русский Дом. 2014. № 9. С. 18–19.

Колоницкий Б.И. «Забытая война»? Политика памяти, российская культура эпохи Первой мировой и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? / ред.-сост. О.Б. Божков. СПб.: Эйдос, 2015. С. 321–332.

Леонов Н.С. Великая война: геополитическая катастрофа вместо близкой победы // Русский Дом. 2014. № 8. С. 18–19.

Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Говорят эксперты МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (дата обращения: 30.11.2021).

Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109–131.

Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 106–128.

Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. Т. 1. 305 с.

Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О.В. Петровской. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. Т. 3. 313 с.

Первая мировая война: современная историография: сб. обзоров и реф. / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М.: РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории, 2014. 231 с.

Первая мировая: война и миф. Печатная графика из собрания Ивановского историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурлыгина, фотографии из коллекций Рыбинского музея-заповедника и Национального музея Республики Коми. М.: Программа «Первая публикация» Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина», 2014. 400 с.

Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны: материалы науч.-практ. круглого стола (12 октября 2017 г.). / ред.-сост. С.А. Мозговой. М.: Институт Наследия, 2019. 162 с.

Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 31–37.

Сперанский А.В. «Вторая отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели // Известия Уральск. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 20–25.

Сперанский А.В. Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей // Вестник Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 4. С. 45–48.

References

Ayrapetov, O.R. (2010). Snaryadnaya demagogiya. Slova i dela russkikh liberalov [Shell Demagoguery. Words and Deeds of Russian Liberals]. In *Rodina*. No. 7, pp. 122–126.

Ayrapetov, O.R. (2010). Snaryadnaya demagogiya. Slova i dela russkikh liberalov [Shell Demagoguery. Words and Deeds of Russian Liberals]. In *Rodina*. No. 8, pp. 73–76.

Baranov, N.N. (2018). Pervaya mirovaya vojna v populyarnoy kul'ture pamyati [World War I in Popular Culture of Memory]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. № 4 (43), pp. 31–39.

Belash, E.Yu. (2012). *Mify Pervoy mirovoy* [The Myths of the First World War]. Moscow, Veche. 416 p.

Iyushchenko, R.A. (2014). Poteryannaya pobeda [The Lost Victory]. In *Russkiy Dom*. No. 9, pp. 18–19.

Kolonitskiy, B.I. (2015). “Zabytaya vojna”? Politika pamyati, rossiyskaya kul'tura epokhi Pervoy mirovoy i kul'turnaya pamyat' [The Forgotten War? The Politics of Memory, Russian Culture of the First World War and Cultural Memory]. In *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu?* St. Petersburg, pp. 321–332.

Leonov, N.S. (2014). Velikaya vojna: geopoliticheskaya katastrofa vmesto blizkoy pobedy [The Great War: A Geopolitical Catastrophe Instead of the Imminent Victory]. In *Russkiy Dom*. No. 8, pp. 18–19.

Lyubin, V.P., Mints, M.M. (Eds.). (2014). *Pervaya mirovaya vojna: Sovremennaya istoriografiya: sb. obzorov i ref.* [The First World War: Contemporary Historiography: A Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, RAN, INION, Tsentr sotsial. nauch.-inform. Issled., Otd. istorii. 231 p.

Malinova, O.Yu. Uvekovechivanie pamyati o “zabytoy voyne” i dilemmy rossiiskoy politiki identichnosti [Perpetuating the Memory of the “Forgotten War” and the Dilemmas of Russian Identity Politics]. In *Govoryat eksperty MGIMO* [The experts of MGIMO Speaking]. Available at: URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/258341/> (date of access 30.11.2021).

Mozgovoy, S.A. (Ed.). (2019). Problemy sokhraneniya pamyati i memorializatsii naslediya Pervoy mirovoy vojny. Materialy nauchno-prakticheskogo kruglogo stola 12 oktyabrya 2017 g. [Problems of Memory Preservation and Memorialization of the Legacy of the First World War. Materials of the scientific and practical round table on October 12, 2017]. Moscow, Institut Naslediya. 162 p.

Pakhalyuk, K.A. (2016). Diskursivnye osnovaniya yubileynoy kommemoratsii Pervoy mirovoy vojny v sovremennoy Rossii [Discursive Structures of WWI Centenary Commemoration in Modern Russia]. In *PolitBook*. No. 4, pp. 109–131.

Pakhalyuk, K.A. (2017). Pervaya mirovaya vojna i pamyat' o ney v sovremennoy Rossii [The First World War and Its Memory in Modern Russia]. In *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No. 1, pp. 106–128.

Petrovskaya, O.V. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya vojna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat'* [The First World War: Historiographic Myths and Historical Memory]. Moscow, Ros. in-t strateg. issled. Vol. 1. 305 p.

Petrovskaya, O.V. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya vojna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat'* [The First World War: Historiographic Myths and Historical Memory]. Moscow, Ros. in-t strateg. issled. Vol. 3. 313 p.

Senyavskaya, E.S. (2009). Istoricheskaya pamyat' o Pervoy mirovoy voyne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade [Historical Memory of the First World War: Notes on its Shaping in Russia and in the West]. In *Vestnik MGIMO*. No. 2, pp. 31–37.

Sidorov, S.G. (Ed.). (2014). *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Pervoy mirovoy vojny, g. Volgograd, 26–27 sent. 2014 g.* [Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions: materials of Intern. scientific-practical conf., dedicated to the 100th anniversary of the First World War, Volgograd, 26–27th September, 2014]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 562 p.

Speranskiy, A.V. (2014). “Vtoraya otechestvennaya vojna”: mify, realii, istoricheskie paralleli [“The Second Patriotic War”: Myths, Realities, Historical Parallels]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. No. 4 (134), pp. 20–25.

Speranskiy, A.V. (2014). Pervaya mirovaya vojna v kontekste mifov i istoricheskikh paraleley [The First World War in the Context of Myths and Historical Parallels]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 14, No. 4, pp. 45–48.

Vyazova, E.S. (Ed.). (2014). *Pervaya mirovaya: vojna i mif. Pechatnaya grafika iz sobraniya Ivanovskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya imeni D.G. Burylina, fotografii iz kolleksii Rybinskogo muzeya-zapovednika i Natsional'nogo muzeya Respubliki Komi* [The First World War I: War and Myth. Printed Graphics From the Collection of the Ivanovo Museum of History and Local Lore Named after D.G. Burylin, Photographs From the Collection of the Rybinsk Museum-Reserve and the National Museum of the Komi Republic]. Moscow, Programma “Pervaya publikatsiya” Nekommercheskoy blagotvoritel'noy organizatsii “Blagotvoritel'nyy fond V. Potanina”. 400 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.